

*Есть свидетельства, что после 17 года
Осип Мандельштам панически боялся матросов.*

Я стихов не писал никогда. Я хочу в эту точку,
Где я шёл по Фонтанке в шинели и в окна смотрел,
Я хочу, чтобы кто-то придумал под ноги мне кочку,
Чтоб я больно упал, чтоб я больно лежал, чтоб прозрел
Той бесшумной бездушной зимой девяностого года,
Той беззвучной зимой, где вороны теряли ночлег,
Где бродила во мне изумлённая злая свобода,
Как вино, что не выпьют, а выльют на проклятый снег.
Там скелет папиросы над городом смерть распростерла,
А мужчины за водкой охотились до темноты,
И несли её словно трофей, и лакали из горла,
Чтобы горла обжечь до последней святой немоты.
Я стихов не писал никогда. Я не помню откуда
Офицерскою улицей Блок доходил до огня,
Только тот, кто боялся матросов, в надежде на чудо
Попросил его слово одно передать для меня.
Там смешались года, времена, а потом размешались
Словно порции каши овсяной. Солдаты, подъём!
Мы вмешались куда-то, зачем мы куда-то вмешались?
Мы должны были просто остаться навеки вдвоём.
Я стихов не люблю, как соседи, назойливы рифмы,
Я не в силах признать, что без цели и смысла живу.

Я иду по Фонтанке, а рядом идут декабристы,
Чтобы сесть в туристический катер и выйти в Неву.

* * *

Давай с тобой наговорим
Побольше вздора.
Уже течёт вчерашний грим
Из глаз актёра.
Скорей всего, ты скажешь: «Течь
Лишь слёзы могут».
И ошибёшься ты, вся речь
Моя от Бога,
Не потому что я гордец
Иль параноик,
А потому что двух сердец
Союз не стоек.
Лицо приклеено к стене
Обычным скотчем.
Я соскребаю тень с теней,
А ты не хочешь.
Я карандаш твой не стирал,
И росчерк злее.
Я столько раз лицо терял
И вот наклеил.
Петух восторженно молчал
Пока не клюнул.
И если был бы я смельчак
В лицо бы плюнул.
Но проживает Божество
Всю жизнь без грима,
В местах, где всё и ничего
Неповторимо.

* * *

Железная воля диктатора
Стареет в публичных домах.
Пустое лицо агитатора
В мужских благородных слезах.
Свободы не будет. Зачем она?
Солдаты пришли на постой.
А линия жизни прочерчена
Диктаторской твёрдой рукой.
Снега бесконечны. Но скоро уж
Им адский послышится гул.
И облако будет как скорая,
Где пьяненький доктор уснул.
А в лавки завозят казённые

Без счёта конфеты драже.
И если вся соль не солёная,
То ссориться не с кем уже.

* * *

Опять мне снилась армия,
Снежинки на плацу.
Там погибал задаром я,
Там вечность не к лицу.
Там небеса несметные
Давали только снег.
Скрипели трубы медные,
Сгорал двадцатый век.
Не надо математики,
Чтоб сосчитать во сне
Игрушечных солдатиков,
Что мать дарила мне.
Повсюду буквы стёртые
И прапорщик орёт,
Что все мы будем мёртвыми
Отчизна и народ.
Народ с Отчизной выжили,
Кому-то на беду,
Но наши души выжжены
Их в райском нет саду.
Проснулся. Сон не кончился.
Вокруг всё тот же ад.
И только колокольчики
Незримые звучат.

* * *

Мои грехи подтверждены –
Какое чудо!
Мои грехи не прощены,
И впредь не будут.
Легко влетают мотыльки
В тот «Вальс-Мефисто»,
Мне без тебя как без руки
Быть пианистом.
Планет неспешный разговор
Стал бестолковым.
Подписан старый договор,
А Фауст новый.

На коже медленной тихи
Любви прожилки.
И я несущи свои грехи,
Свои пожитки.

* * *

Я размышляю, что за небом,
Не может быть, чтоб там тупик.
Мои слова летят за снегом,
Чтоб сесть тебе на воротник.
Давно пропало то виденье,
И то постельное бельё,
Когда я думал, что сведенье
Последних счётов – это зло.
Когда я видел, что над бездной
Лишь птицы тешатся, скользя.
Когда я помнил, что исчезнуть
Тебе никак уже нельзя.

* * *

Степь – это то, что для русского взгляда легко,
Также легко умирать, если сделано дело.
Если шагать начинаешь – иди далеко,
Перемещай без любви опустевшее тело.
Если услышишь дорогу – обратно ступай,
Там тебя могут спасти, но зачем тебе, друже?
Рай на земле невозможен, а призрачный рай,
Тем, кто в аду побывал, оказался не нужен.

Но в небеса нельзя с разбега,
Там неприступная стена.
Когда умру – то стану снегом,
И ты пройдёшь по мне одна.

* * *

Стакан газировки – одна копейка,
А если с сиропом – то три.
Ну что же ты медлишь, однако, пей-ка,
Стакан для начала протри.
Я стану таким, как никто не верил,
Но детство всегда светло.
Пора уж давно открывать не двери,
Но окна, чтоб выгнать зло.
Теперь газировка зовётся спарклинг,
На горле не шарф, а шов.
И мёртвому будут нужны припарки,
Чтоб выглядеть хорошо.